

9(4)22 193852
Г.З.

а.н.геласимова **З**аписки подпольщицы

а.н.геласимова
Записки
подпольщицы

Смолино, откуда вновь насаждает кадровый морской полк колчаковцев. В Сараиках меня приветливо встретил Виктор Яковлев. Он сообщил, что и Демин, командир 2-го полка, заболел тифом.

— Я послал об этом донесение в штаб армии и просил назначить нового командира полка.

На Щегловск

18 декабря. Утром из Крапивина прибыл Перцев, новый командир 2-го полка, читинский рабочий, бывший красногвардеец, энергичный, подтянутый, решительный человек. Он приехал в Сибирь с Дальнего Востока по фальшивому паспорту на имя Громова. Из Крапивина приехала Мария Голкина, она едет в Щегловск для информации подпольного комитета.

Перцев принял полк Демина. Затем состоялось совещание командного состава обоих полков, наметили план совместных боевых действий.

Днем наши полки, разгромив морской полк беляков, заняли Шевели. Противник отступил к деревне Кобылино. Крестьяне радостно встретили наших бойцов. Загудел набат, созывая население на митинг. Пришло много народу. Митинг состоялся на площади.

Трибуна, как и в других селах, устроена на сдвоенных телегах с настилом из толстых досок. День солнечный, мороз сегодня не более двадцати градусов. Мой доклад о международном положении и о положении в Советской России, о ходе восстания слушали затаив дыхание, было много вопросов. В конце митинга решили восстановить деятельность сельского ревкома, доизбрали членов и нового председателя вместо ушедшего в Советскую партизанскую армию Михаила Кавешникова. Тут же на площади в наши полки записалось более двухсот добровольцев из местных крестьян. Сюда пришли и повстанцы из Сыромолотной и других соседних деревень.

Когда закончила речь и уступила место Перцеву, позади меня кто-то заговорил на ломаном русском языке. Оглянулась: рядом с телегой стоял оборванный, заросший бородой человек. По щекам его катились крупные слезы. Протянув ко мне руки, он говорил:

— Пусть ваши воины примут меня. Я военнопленный, мадьяр, воевал с белыми в 1918 году, теперь живу в рабниках.

— Хорошо. Вот командир, — я показала на Карягина. — Он зачислит вас в свой эскадрон.

Обедала в семье Михаила Кавешникова, члена военномы революционного трибунала партизанской армии. Здесь меня разыскал Архип Гутов, хозяин Сыромолотновской заимки, куда мы с Иваном Михайловичем Проняхиным ездили в марте этого года.

— Так и знал — она! — возбужденно говорил Гутов, входя в горницу. — Я еще тогда подумал: не иначе партизанка. Верхом на коне с провожатым приехала в ночь. А у меня тогда двое дезертиров скрывались на заимке да из Томска человек важный. Один мой работник уговаривал заарестовать обоих и отправить в охранку в Щегловск. Но я не согласился. А сегодня, как услышал, что партизаны у Шевелей, нагрузил двадцать мешков овса, десять мешков муки, восемь туш говядины, птицы разной. Вот, принимайте, — и он показал на стоявшие поодаль сани. — Мы не супротив Советов и большевиков. С Колчаком у нас дело не пойдет, Колчак мужику на шею во как сел. Младший мой братан еще осенью в партизаны подался.

После короткого отдыха полки двинулись дальше и в этот же день заняли деревню Кобылино.

19 декабря. Ночевала бригада в Кобылине. Вчера вечером на заседании штаба обоих полков мы подвели итоги боевых операций за день и пришли к выводу, что колчаковцы поджидают подкрепление и поэтому не дают серьезного боя.

— Хитрые бестии! Хотят заманить и расколошматить, как подойдет подкрепление, — высказал предположение командир 1-го эскадрона казак Гурьянов.

— Надо послать глубокую разведку до самого Щегловска, — предложила я.

Разведчиков, готовых поехать во вражеское логово, нашли в местной ячейке. Их было двое: молодая миловидная женщина, лет двадцати, звали ее Фросей, и худой сутулый старик, у него из-под шапки выбивались длинные пряди седых волос. Муж Фроси, чтобы не попасть в колчаковскую армию, ушел в тайгу на поиски партизан в начале 1919 года, да так и не вернулся. Старик сам отрекомендовался:

— Бывший священник. В июне 1918 года белые на Алтае замучили моего единственного сына, фронтовика, сельского учителя. Я дал клятву заменить сына, да мешала матушка. Недавно ее похоронил, отказался от сана и прихода, приехал в село Смолино, где родился и провел свои детские годы мой сын. Прошу принять меня в партизаны. У меня сохранились ряса, крест и даже чаша. Могу ездить в тыл врага на разведку под видом священника.

Фросю и отца Ивана мы направили вчера вечером к железной дороге, чтобы выяснить там обстановку. С виду все так безобидно: старенький попик и женщина, закутанная в шаль, везет священника якобы к умирающему отцу в деревню Горбуновку.

Разведчики вернулись, когда уже пели вторые петухи. Новостей много. Не останавливаясь в Горбуновке, разведчики проехали в село Плотниково, рядом с железнодорожной станцией. Председатель подпольной ячейки, на их счастье, оказался дома. Фрося побывала у него, пока отец Иван отдыхал у знакомого мужика.

Колчаковское правительство, как удалось выяснить, стянуло в Томскую губернию большие воинские силы, вооруженные артиллерией и пулеметами. Красная Армия 14 декабря заняла Новониколаевск и захватила тысячи пленных, до двухсот орудий, много пулеметов, винтовок, патронов, обмундирования, продовольствия, медикаментов.

Колчаковцы и войска интервентов после разгрома под Новониколаевском покатались дальше на восток. Большая группировка белых отходит на юг от железнодорожной магистрали, движется трактовыми и проселочными дорогами на лошадях и пешком к Щегловску и Крапивину. Здесь они намерены отдохнуть и, если не удастся задержаться, уйти в Монголию или на восток по трактам Щегловск — Мариинск и Крапивино — Центральный прииск — Тисуль.

Колчаковские армии идут сплошным потоком и по железнодорожной ветке Юрга — Топки — Щегловск, и вдоль нее на лошадях и пешком. Среди отступающих много беженцев из уральской и западносибирской буржуазии, высших чиновников, едут с семьями, с домашним скарбом. Много войск и беженцев скопилось в Плотниково, в Топках и у станции Юрга. Здесь колчаковские генералы

предполагают дать бой Красной Армии, задержать ее продвижение на восток.

Отправив Фросю и отца Ивана на разведку в Щегловск, мы с Яковлевым и Перцевым обсудили полученные сведения. Было ясно, что колчаковцы в любой час могут нанести нам серьезный удар со стороны железной дороги под Шевелями, Кобылиным, Шумихой и Смолиным. Они имеют артиллерию, пулеметы и способны прорвать нашу оборону, окружить и разгромить плохо вооруженные полки.

И все же мы решили продолжать движение на Щегловск, оставив здесь заслон из двух рот 2-го пехотного полка под командованием Прокопьева и Лазарева и конного эскадрона Чумайкина. Для общего и политического руководства этой группой оставили Голкина.

В полдень после короткого боя наши полки заняли деревню Шумиху, а через час конный полк Яковлева стремительно ворвался в село Смолино и выбил оттуда колчаковских матросов.

В Шумихе нас догнал гонец штаба с приказом командующего Шевелева: «Бригаде отойти к Сарапкам, учитывая возможность окружения вражескими войсками в районе Шевели — Смолино — Щербак со стороны железной дороги».

Пан пишет, что штаб второй день находится в Борисове, предполагает быть в Кольчугине 18 декабря. Отряд кольчугинских шахтеров под командованием Колова влился в наши ряды и будет действовать как отдельный полк. Из местных партизан и повстанцев создали еще один полк конницы, его командир Сизиков — организатор восстания колчаковского гарнизона в Барачатах.

Большие силы колчаковских войск появились на западе и северо-западе от Кольчугина и широким фронтом идут через Дмитриевку — Ариничево — Брюханово — Шебаново — Пушкино. Они, со слов пленных, намереваются прорваться к селам Барыши, Панфилово, Крапивино, чтобы через Центральный прииск выйти к селу Тисуль. Другая группировка от железнодорожной ветки через Шевели — Шумиху — Старо-Червоно тоже стремится попасть на тракт Центральный прииск — Тисуль и третья — через Щегловск на Мариинский тракт.

1-й и 3-й полки, полки Колова и Сизикова преградили колчаковцам путь на западе и северо-западе от

Кольчугина, ведут с ними ожесточенные бои. Напирает дивизия уфимских стрелков, состоящая из кадровых офицеров, отъявленных головорезов, они не останавливаются ни перед чем: убивают и насилуют женщин, убивают детей и стариков, угоняют лошадей, режут скот.

Советская партизанская армия держит теперь фронт на протяжении почти полтора верст.

К письму приложена лично мне записка:

«С Шевелевым у меня установились хорошие отношения. Много внимания уделяю агитации и пропаганде, занимаюсь организационными вопросами, связью, разведкой. Цибульский не активен. Должно быть, сказалось его «путешествие» к атаману Семенову в «вагоне смерти» и перенесенные им пытки.

В штаб армии приезжали из нашей Березовки старики и с ними дед Ефим. Они привезли трех пленных офицеров, сто двадцать семь винтовок, четыре револьвера, патроны, гранаты, много обмундирования английского образца, железный ящик с большой суммой колчаковских денег и медикаменты. Рассказывают — одна женщина ездила в лес за дровами, увидела, что между Березовкой и Порывайкой вверх по Томи движется обоз. Пригляделась — белые. Она скорее в деревню и подняла тревогу. А в Березовке молодых мужиков не осталось, все ушли в партизанскую армию. Собрались бабы и пятеро стариков с вилами, ухватами да в лес. Пересекли дорогу. Старики вышли вперед и кричат:

— Сдавайтесь!

Белые было за винтовки, а старики:

— Не сдадитесь — перебьем до единого. Сдадитесь — отберем оружие и отпустим!

Бабы в лесу ломают ветки, шумят, показывают, что белые окружены со всех сторон. Старший офицер командовал: «Стреляй!» Кто-то из солдат схватил его за плечи, пригнул к земле. Обезоружили офицеров и начали бросать винтовки.

— Кладите оружие на сани! — распоряжались старики и по-хозяйски отводили нагруженные сани в сторону. Когда все сложили винтовки, с гомоном и криком высыпали бабы и обступили обоз. Говорят, солдаты были смущены, хотя многие хохотали, увидев, кому они сдались. Бабы привели их в деревню. Солдат накормили и отпустили, а офицеров и трофеи доставили в штаб. Этот отряд

белых проскочил между партизанскими заслонами и углубился на нашу территорию, надеясь, по-видимому, прорваться дальше на восток. В отряде было сто двадцать солдат и три офицера. О подвиге березовцев готовим листовку, на днях пришьем.

Дед Ефим рассказал, что Нинуська здорова. Поля два раза увозила ее в лес за Томь, спасаясь от колчаковцев. Больше всех, Тонек!.. Твой Пан». Так заканчивалась записка.

Мне захотелось ответить ему, как всегда: «Тоже больше всех!»

Наверное, большая любовь будет до конца дней сопутствовать и помогать во всех наших делах... Будь Пан щедринским «премудрым пескарем», я не сказала бы ему, что люблю больше всех! И он не сказал бы мне...

В присланной листовке штаб Советской партизанской армии вновь призывает крестьян не давать продовольствия колчаковцам, угонять от них скот, увозить муку и другие запасы, уходить самим, оставлять нетоплеными избы.

Пришлось опять собирать совещание командиров. Я зачитала приказ, письмо Пана, прочла листовку. Ее решили немедленно разослать с нарочным в окрестные села и деревни. Хорошо, что прислали двадцать экземпляров.

С приказом об отходе бригады командиры не согласились: сил достаточно, чтобы продолжать наступление на Щегловск и не допустить окружения нас белыми. Повстанцы и партизаны научились воевать, многие теперь имеют винтовки. Мне поручили написать об этом в штаб и отправить с нарочным.

Под вечер получили сообщение, что село Щербаки (Березово) занял какой-то партизанский отряд. Белые спешно отступают к Щегловску. Бригада снялась и направилась к Щербакам. Впереди шел конный полк Яковлева.

В стане анархистов

19 декабря. Вечер. У щербаковской поскотины нас встретили конные партизаны. Они кричали «ура», бросали вверх шапки. Наши бойцы спешились. Начались объятия, расспросы. Мы узнали, что Щербаки заняты

роговцами. Встреча с анархистами Роговым и Новоселовым не особенно приятна и не сулила ничего хорошего. Посоветовавшись, решили, что надо попытаться подчинить роговцев штабу Советской партизанской армии.

Через полчаса мы въехали в село. Лошади храпели и кидались в сторону от домов: у калиток, у ворот, под окнами валялись окровавленные трупы местных дружинников. Щербаки — большое богатое село, кулацкая дружина насчитывала здесь больше ста человек. Ворвавшись в село, роговцы изрубили всех дружинников без разбора, хотя они прислали в штаб нашей бригады предложение добровольно сдать оружие, за что мы обещали гарантировать им личную неприкосновенность и сохранность имущества.

Спросили сопровождавших нас роговцев, по всему ли селу расквартированы их отряд. Они указали на окраину села, тянущуюся в степь, где были свободные избы. Здесь мы решили разместить свои полки. Яковлев отдал команду своим бойцам двигаться за ним. Навстречу 2-му полку послали двух партизан.

Я сказала Яковлеву:

— Виктор, помоги Перцеву расквартировать его полк и приезжайте с ним в штаб Рогова!

— Подождала бы нас, — озабоченно предложил Виктор.

— Нет, поеду, не будем терять время.

Мне хотелось остановить безобразия, творимые роговцами в селе. Был бы Пан рядом, он, наверное, сказал бы: «Умерь свою горячность и подумай, прежде чем лезть на рожон». Но Пана нет. В сопровождении Васи и трех партизан поехала в штаб Рогова.

Яковлев считается со мной, советуется по каждому серьезному делу, заботится обо мне. А вот взаимоотношения с Перцевым сразу же обострились, держится он настороженно и не совсем дружелюбно. Перцев обижен, что к нему — старому партизану и человеку старше по возрасту — поставили комиссаром молодую учительницу. У меня всегда вызывает беспокойство, как отнесется Перцев к тому или иному моему предложению или действию.

Штаб Рогова занимает большой дом в центре села. У дома толпятся партизаны, но не видно крестьян, женщин, детей, как это бывает у нашего штаба, когда мы

располагаемся в каком-либо селе. Оставив у крыльца сопровождавших, мы с Васей вошли в дом. В передней полно роговцев, густой табачный дым. Нам показали на распахнутую дверь горницы. Крупный черноволосый мужчина с темной бородой поднялся нам навстречу из-за большого, заставленного всякими яствами стола.

— А, гостя дорогая, — проговорил он. — Рад познакомиться. Рогов. Слышал, слышал о тебе. Советскую власть устанавливаете...

Рядом с Роговым, развалившись на стуле, сидел гололицый, узкоплечий, похожий на скопца человек, было ему лет под сорок. Вокруг стола сидели еще человек пятнадцать.

— Комиссар, — с ехидством проговорил гололицый и тоже протянул мне потную, скользкую руку. — За Советы воюете. А мы разгоняем ваши ревкомы — не нужны они мужикам. Анархия — вот что им нужно! Разгоняли и будем разгонять! — визгливо выкрикнул он и вызывающе отрекомендовался: — Новоселов, анархист!

Нас с Василием усадили за стол. Хозяйка, старая женщина, принесла яичницу-глазунью. Она помешкала, не решаясь поставить сковороду на стол, покрытый скатертью. Рогов вскочил, сорвал с божницы бронзовый крест, согнул его своими сильными ручищами и сунул на стол посередине бутылок.

— Ставь! — гаркнул он.

Хозяйка, закрыв глаза, поставила сковороду прямо на скатерть и, пошатываясь, пошла к двери.

— Это вы слишком! — резко сказала я Рогову.

— А ты думаешь, война — цветочки, учить ребятишек? Война есть война. Это не бабье дело! — зло щерясь, ответил он мне.

Поднялся гвалт. Высокий белобрысый парень с большими дикими глазами подскочил ко мне и, выдернув из ножен окровавленную шашку, закричал:

— А ты вот так можешь, чтобы шашка не просыхала от человеческой крови? Можешь?

— Это еще не заслуга, — ответила я, не сводя глаз с его перекощенного лица. «От злой собаки не отворачивайся и не беги», — я всегда помнила этот наказ отца.

На парне был защитного цвета офицерский френч с засученными рукавами. На голых руках чуть не по локоть блестели различных форм и фасонов браслеты, а на

длинных грязных пальцах — кольца и перстни. На груди болталось до десятка золотых и серебряных цепочек от часов. С перекошенным от злобы лицом, на котором держались рыжеватые усики, он был омерзителен.

В это время появился Перцев в сопровождении командиров рот своего полка Потемкина и Сухоненко. Отодвинув в сторону мародера, он резко сказал Рогову:

— Что ты распустил этого пса? Убери, а то мои ребята приведут его в чувство!

Признаться, я не ожидала от Перцева такой поддержки. Рогов, протягивая ему руку, буркнул:

— А ты все такой же злой?

— Еще злее стал.

Оказалось, Перцев и Рогов давно знали друг друга. Начали вспоминать бои с белыми под Жуланыхой и Тогулом.

Вскоре пришел Яковлев и тоже в сопровождении командиров рот своего полка Карягина и Гурьянова.

После ужина начались деловые разговоры. Мы сообщили, что колчаковцы, отброшенные на юг от Сибирской железнодорожной магистрали, сплошным потоком движутся в поездах по ветке Юрга — Щегловск, а также конным и пешим порядком, стремясь прорваться на восток через Мариинскую тайгу. Железнодорожная ветка на участке Топки — Кольчугино и основные проселочные пути отступления белых уже перекрыты нашей партизанской армией. У белых остался только путь через город Щегловск. Нужно захватить его, чтобы отрезать их от Мариинской тайги.

Решили совместно наступать на Щегловск в ночь на 21 декабря. Отряду Рогова предстояло утром 20-го обойти село Ягуново и, перерезав железную дорогу, к исходу дня занять деревню Боровушку, что в двух километрах севернее Щегловска, а ночью одновременно атаковать город: нашей бригаде — с юго-востока, роговцам — с северо-запада.

Когда решили дела, Новоселов вдруг предложил:

— А не желаете ли, товарищи большевики, поспорить с нами на тему: что лучше, анархия или совдеповская власть?

По рассказам Шувалова я знала, что Новоселов состоял в петроградской организации анархистов, умелый спорщик и начитанный человек. По памяти цитирует

Кропоткина, Бакунина, Прудона. Вспомнила об этом и заколебалась.

— Как вы смотрите? — спросила своих командиров.

— Останемся, — за всех ответил Перцев.

В помещении, где открылся этот своеобразный диспут, набралось много роговцев. Новоселов, по-видимому, хотел повергнуть нас в прах и доказать, что крестьянским движением и партизанской борьбой могут руководить только анархисты, но не большевики.

— Анархисты против всякой власти, — начал Новоселов. — Поэтому мы разгоняем ревкомы и Советы, которые вы создаете. Мы не признаем также комиссаров в партизанских отрядах и в армии. — Рисуюсь, Новоселов важно прохаживался перед аудиторией. Затем, подойдя ко мне и поведя пальцем у моего лица, он со злостью выкрикнул:

— А всех интеллигентиков под корень, обойдемся без них!

До чего же все они одинаковые, думала я, вспоминая встречи с сибирскими анархистами в 1918 году. Как тиф, как чума, подрывали они тогда силы Красной гвардии под Иркутском, в Забайкалье, а затем, ограбив читинский банк, укатили с золотом на Дальний Восток.

В Свободном, Благовещенске, по Амурской железной дороге анархисты тоже грабили, устраивали погромы, уничтожая ни в чем не повинных людей. В разгар напряженных боев с интервентами на Уссурийском фронте Дальсовнарком был вынужден снять с передовых позиций лучшую воинскую часть и перебросить ее в Амурскую область для борьбы с анархистами. Вскоре они были разгромлены, их вожаки во главе с Пережогиным расстреляны. Но чего это стоило молодой Советской власти! План создания новой линии обороны в зейских горах и лесах был сорван, задержалась эвакуация туда военных грузов на подпольные партизанские базы, не успели отойти в Зейский горный округ части Красной Армии и отряды Красной гвардии. Японские интервенты, перешедшие во многих местах границу Амурской области, завершили грязное дело анархистов.

На Дальнем Востоке тогда скрутили анархистам руки. Но там в распоряжении Советов была закаленная в боях Красная гвардия и части Красной Армии, а что мы можем сделать здесь с этой хорошо вооруженной тысячной

ватагой, когда рядом колчаковские войска, хотя и дезорганизованные, но еще сильные, злые, огрызающиеся!

...Я поглядывала на Перцева, ожидая, что он, как старший, первым даст отпор Новоселову. Но Перцев сидел поодаль в гуще партизан и молчал. Когда на какое-то мгновение я перехватила его взгляд и глазами показала на Новоселова, он, поняв мое предложение, отрицательно покачал головой. Яковлев еще вначале предупредил:

— На меня не надейся. Я не оратор.

Волнение охватило меня, в висках стучало до боли. Было страшно: хватит ли знаний и умения разоблачить и разбить анархистскую демагогию, открыть глаза честным, но обманутым ими людям? Сколько сердец, одни с надеждой, другие предвзято, будут ловить мои слова.

Между тем Новоселов совсем распоясался. Он высмеивал марксистско-ленинское учение о государстве, о коммунизме, издевательски заявляя, что анархистам нравится только один лозунг коммунизма — работать по возможности, а получать по потребности, и они готовы принять его.

— Здорово будет! — засмеялся партизан, сидевший рядом с Роговым. — Потребности у нас, Иван Алексеевич, ой-ой какие! Вот я, к примеру, хочу десять пар сапог, и все разного фасона, да шуб с пяток, костюмов всяких с десяток, да хороший дом в городе о двух этажах. И баба моя пятьдесят платьев захочет, да пятнадцать пар башмаков, шалей дорогих и прочее. Откуда такое богатство сразу найдется, сразу чтобы всех наделить?

— Экспроприируем экспроприаторов, — самодовольно ответил Новоселов, видимо, предвкушая свою победу.

Нарушив молчание, Перцев бросил:

— Надолго ли хватит экспроприаций?

— На наш век хватит.

— А там хоть трава не расти? — спросил Яковлев.

— А ты, Викторка, с большевиками походил, так грамотеем стал? — ехидно заметил Рогов.

— Да, стал пограмотней, чем раньше, — отпарировал Виктор и с тревогой посмотрел на меня.

— Ленин учит, что коммунизм — это в первую очередь изобилие продуктов, — сказала я. — А какое теперь изобилие? Оно будет только тогда, когда Советская власть восстановит разрушенные заводы и фабрики и построит коммунизм.

Новоселов перебил:

— Если хочешь, жди. А нам это изобилие подавай сейчас!

— Товарищи, разрешите мне сказать, — обратился высокий белокурый партизан в потрепанной солдатской шинели. — Хочу свою думку высказать. Не признавать никакой власти — это вроде жить без начальников? До войны я в Топках стрелочником служил. Стрелочник, известное дело, небольшая фигура. Но без распоряжения дежурного по станции, то есть начальника, он может наделать бог знает сколько бед. Повернет, скажем, стрелку не туда, столкнет два поезда в лоб, народ погубит, паровозы, вагоны и всякое там имущество попортит. А то в тупик поезд загонит и график нарушит...

— Это ты к чему плетешь? — грубо оборвал Новоселов.

— Смекаю я своим умом, что без начальников не обойтись. Вот, к примеру, в отряде у нас тоже командиры есть.

— Это точно так! — поддержал кто-то.

У меня отлегло от сердца. Значит, не все роговцы, собравшиеся здесь, анархисты.

Вспомнила работы Ленина «Государство и революция» и «Удержат ли большевики государственную власть?». Хотя в тот период, читая их, я многого не поняла, но все же ленинские положения о социалистической революции и государстве, о социализме и коммунизме усвоила.

— И Ленин говорит, что без власти порядка не будет, — сказала я.

— А Ленина ты видела? — перебил меня Рогов.

— Нет, не видела. А книги его читала.

— А портрета его не имеешь? — спросил худенький невзрачный мужичок в азяме, подпоясанном красным кушаком.

Мне вспомнился Хабаровск, учительский дом, портрет Ленина в библиотеке. Ласковые, умные, в прищурку глаза, кепка на голове. Весь он такой простой и близкий. Но как лучше рассказать о нем партизанам?

Вперед энергично протолкался высокий крупнокопный старик с седой головой. За поясом у него охотничий нож и рукавицы, в руках шапка из лисьих ножек. Старик нетерпеливо с ходу начал:

— Подождите, братцы! Вот што я слыхал о Ленине. Помните, в разведку на Кузнецк ходил? Баба там одна на

постоялом дворе сказывала — была она будто в России и своими глазами будто Ленина видела. Агромаднейшего роста Ленин-то, будто силищи необыкновенной: подковку в руку возьмет, сплющит, не поморщится. С кремлевской стены говорить станет — вся Москва слышит.

— Эх! Побывать бы хоть разок в Москве, послушать, посмотреть! — воскликнул кто-то из партизан.

— Если бы не Ленин, может, еще вшей кормили бы в окопах на германском фронте, — начал Карягин, но его перебил злой голос от двери:

— Немец он, Ленин-то...

— Дурак! Сам ты немец! — крикнул в ответ Карягин. — Волжанин он, самый настоящий, из Симбирска.

— А я слышал — деньги ему сам кайзер выдал.

— Не всяким слухам верь, контра тебе еще не то напоеет, — вперед вышел наш Потемкин. — Я хочу здесь напомнить тебе, Рогов, как после взятия Тогола приезжали к нам в отряд двое из Барнаульского комитета большевиков. Ты тогда с ними соглашался, а Новоселов вот так же нас, большевиков, на спор вызывал. От большевиков Голкин и Шувалов выступали, ты соглашался и с ними. А пошто теперь отступил, пошто черное знамя присвоил отряду?

— Это к делу не относится, и нечего старое ворошить, — ответил резко Рогов. — Мы сегодня вашего комиссара послушаем, пусть расскажет, что знает о Ленине, о порядках там, в Советской России.

— В 1917 году, незадолго до Великого Октября, — начала я, — Ленин написал книгу «Государство и революция». В этой книге немало слов сказано и об анархистах. Это путаники, пособники реакции...

— Ученых слов поменьше, понятнее говори, — закричали со всех сторон.

— Постараюсь!

Я смотрела на лица собравшихся, в глазах любопытство, некоторые подались вперед. Чем-то эти бородатые обветренные люди напомнили школу и учеников, им тоже надо было говорить понятнее.

— Вижу, товарищи, что многие из вас немолоды, наверное, дома оставили семьи, детей, хозяйство. Что заставило сотни, тысячи рабочих и крестьян взяться за оружие? Большинство скажет — мы хотим прогнать Колчака и

восстановить Советскую власть, власть рабоче-крестьянскую во главе с Лениным.

Если бы у нас была географическая карта России, я бы вам показала, как от границ к Москве идут интервенты. Самые крупные капиталистические страны послали на русскую землю свои войска. Это Англия, Франция, Америка, Япония и другие.

Правительства этих стран снабжают деньгами, оружием и обмундированием русских белогвардейцев. Здесь, в Сибири, они поддерживают своего ставленника адмирала Колчака, на юге Советской России — генерала Деникина, на западе — генерала Юденича, на севере — Чайковского, на Дальнем Востоке — атаманов Семенова и Калмыкова. Почему, вы спросите, против Советской России пошли походом иностранные капиталисты и поднялась вся русская буржуазия, дворяне и помещики, высшее чиновничество и генералы, офицеры и кулачье?

Потому, товарищи, что в России создалось после Октябрьской революции новое государство — пролетарское, к власти пришли рабочие и крестьяне. А в капиталистических странах у власти буржуазия и дворянская знать. Новое, Советское правительство России — Совет Народных Комиссаров — отняло землю у помещиков, отдало ее крестьянам и здесь, в Сибири, наделило землей неприписных новоселов. Советская власть отняла фабрики, заводы, шахты, рудники у фабрикантов, у буржуазии, отменила непосильные подати с крестьян. Советское правительство прекратило войну, заключило мир с Германией и вернуло солдат по домам, ликвидировало всю царскую администрацию — губернаторов, исправников, полицию, жандармерию, которые сидели на шее крестьян и рабочих, грабили, творили несправедный суд и расправу.

Капиталисты, помещики, генералы, их приспешники — эсеры и меньшевики начали войну против рабочих и трудового крестьянства. Им помогают иноземные капиталисты, они боятся, что революция перекинется и в их страны. Империалисты хотят захватить в свои руки богатства нашей родины.

Там, где белым удалось свергнуть Советскую власть, они вместе с иностранными интервентами установили кровавую диктатуру. Порками, расстрелами, карательными экспедициями, грабежами они стремятся удушить

революцию, уничтожить нашу Республику Советов, отнять все завоевания у рабочих и крестьян.

Но рабочие и крестьяне поднялись, чтобы защитить свое родное Советское Российское государство. Партизанские отряды громят врага с тыла не только в Сибири, но и на Дальнем Востоке, на Кавказе, на Севере, на Украине, в Прибалтике, в Белоруссии.

Совет Народных Комиссаров, Ленин, большевики с первых дней революции начали создавать сначала отряды Красной гвардии, а потом и регулярную рабоче-крестьянскую Красную Армию. Теперь она громит врагов повсюду, белые откатываются к границам, и недалек тот день, когда их вместе с интервентами Красная Армия и партизаны выбросят за пределы родной земли.

В чем сила молодой Красной Армии? Ведь ей нет еще и двух лет, а она одерживает победы над регулярными, хорошо вооруженными войсками интервентов и белых. Да в том, что бойцы Красной Армии идут в бой на защиту Советской власти, рабочей и крестьянской власти. Красная Армия сильна железной дисциплиной и спаянностью. Заслуга в этом партии большевиков и комиссаров. Если бы не было в России революционного правительства — Совета Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Лениным, не было бы большевистской партии, то в Москве давно бы господствовали интервенты и белые, к власти вернулись бы капиталисты и помещики, восстановили бы старые порядки.

И теперь, когда идут ожесточенные бои, бои не на жизнь, а на смерть с врагами революции, проповедовать безвластие, анархию, разгонять Советы, ревкомы в освобожденных от колчаковщины районах — это значит играть на руку Колчаку и всей мировой контрреволюции. Разве это не так, товарищи?

— Правильно, правильно! — раздались голоса.

Новоселов вскочил и, угрожающе крича, подошел ко мне:

— Ты не очень-то! Говори, да не заговаривайся!

Партизаны загудели, зашумели, многие тоже вскочили с мест, наши командиры придвинулись ко мне.

— Я тебе не мешала, не мешай и ты мне! — в свою очередь крикнула я Новоселову.

Вмешался Рогов:

— Помолчи, Иван! Пусть продолжает!

Сам он слушал внимательно, сдвинув брови.
— Ленин учит, — продолжала я, — что без государственной власти народы будут жить только при коммунизме, когда не будет помещиков и капиталистов. Ленин, большевики призывают всех нас, товарищи, помогать Красной Армии, бить белых и оккупантов с тыла, восстанавливать Советскую власть. Нам нужна сплоченность и дисциплина, доверие к командирам и комиссарам. Да здравствует Советская власть! Да здравствует Ленин!

Гул одобрения покрыл мои слова.

— На этом и кончим, — поднимаясь, сказал Рогов, — время позднее, надо хоть немного поспать перед боем. Как ты думаешь? — обратился он к Новоселову.

— Поговорить бы еще надо! — зло выкрикнул Новоселов.

— Возьмем Щегловск, найдем большое помещение и выпустим вас друг против друга перед всеми партизанами, — сказал Рогов. И нельзя было понять, шутит он или говорит всерьез.

Ко мне подошли наши командиры.

— Поехали! — улыбаясь, сказал Яковлев.

— Поехали! — весело ответила я, довольная итогами диспута.

Мы вышли из штаба и направились к коновязи. Там нас поджидали двое партизан из отряда Рогова, бывшие железнодорожники.

— Проситесь к нам пришли, — сказал наш связной.

— Без лошадей? — спросил Перцев. — Тогда ко мне.

Ради грядущих поколений

Следуя в расположение своих полков, мы обменивались впечатлениями. Все резко осуждали Новоселова. Перцев, обычно малоразговорчивый и скупой на похвалу, одобрительно отозвался о моем выступлении:

— Слушал я тебя, Тоня, внимательно. Да, действительно, никто не сравнится с нашим Лениным.

— Таких людей, как Ленин, — сказал Яковлев, продолжая мысль Перцева, — на свете еще не было. Мне кажется, он такой... как бы это вам сказать... — и, подняв руку, воскликнул: — Как солнце!

...Дни и вечера заполнены до отказа. Много забот и волнений. Только глубокой ночью, когда удается прилечь, передо мной всплывает милый образ дочурки и тревога заполняет сердце. Хочется съездить в Березовку, увидеть, прижать к груди родную кроху. В эти минуты десятки ласковых, нежных слов просятся на уста: солнышко мое ясное, шепчу я беззвучно.

Вспоминаются слова Демьяна Погребного: «Ради них мы должны ликвидировать колчаковщину и восстановить Советскую власть». Этот юноша, не имея еще своих детей, думал о грядущих поколениях. Вспомнился и Петр Усов в те минуты, когда ему указали на шурф, куда были сброшены убитые колчаковцами его сыновья и жена, и его друг Орлов Александр, сына и жену его белые убили еще в начале лета. Они отдали свои жизни ради будущего, так же как отдали ее много, много других пламенных и нестигаемых партийных и беспартийных большевиков, у которых в груди билось горячее сердце.

Ради них и ради тысяч, миллионов детей, ради тебя, моя кроха, мы отстоим молодую Республику Советов! Отстоим и установим новый общественный строй без войн и насилий!

Щегловск в наших руках

20 декабря. Сегодня утром получили новый приказ штаба Советской партизанской армии за подписью Шевелева и Федорца. Штаб предлагает 2-му и 4-му полкам двигаться вперед, занять город Щегловск, отрезать пути отступления белых через Мариинскую тайгу. Не допустить также прорыва колчаковских войск в Мариинскую тайгу через Крапивино и другими путями. Выставить сильные заслоны с левого фланга, чтобы не попасть в окружение.

В Щегловск под видом крестьян, едущих на базар с мукой, выехали трое роговцев во главе с членом штаба Ломовым. В их задачу входит выяснение обстановки, и они подадут сигнал о наступлении. Вслед за ними мы послали двух своих партизан к Марии Голкиной. Просим ее известить подпольщиков о предстоящем штурме Щегловска и организовать помощь партизанам своими действиями в городе.

21 декабря. К двум часам ночи наша бригада, не встретив заслонов белых, подошла к городу на расстояние версты и остановилась за речкой Искитимкой. Вскоре над городом высоко в небо взметнулись одна за другой яркие ракеты, выпущенные Ломовым.

Партизаны ворвались в Щегловск с трех сторон. Колчаковцы, захваченные врасплох, сонные, полуодетые, без оружия выскакивали из домов и, не оказывая сопротивления, в панике бежали. Партизаны настигали их, рубили пашками, били прикладами.

Подпольщики, получив сообщение о готовящемся штурме города, спилили несколько телеграфных столбов, нарушили телеграфную и телефонную связь города с внешним миром. Связь между железнодорожными станциями также была нарушена.

В одном из просторных домов с высоким забором, где мы наметили разместить штаб бригады, произошел такой случай. Хозяин долго не открывал ворот, уговаривал направиться дальше, так как его дом занят высокими гостями. А когда пригрозили ему и он открыл ворота, а затем двери дома, партизаны обнаружили в одной из комнат колчаковского полковника с женой, а в другой — упитанного попа в дорогой рясе. Он, брызжа слюной, кричал, слал проклятия и обещал пожаловаться самому «верховному правителю», а ворвавшихся предать анафеме. Когда он наконец понял, с кем имеет дело, попытался в угол и, осеняя крестным знаменем гогочущих партизан, завопил:

— Чур меня! Чур меня! Отец небесный, спаси!..

К вокзалу подходили переполненные поезда. Колчаковцы, конные и пешие, шли в город по Ягуновскому, Топкинскому и Юргинскому трактам и по проселочным дорогам.

Два поезда встретили партизаны 2-го пехотного полка во главе со стрелочником Федором, бывшим роговцем. Федор — фронтовик, на Западном фронте получил два Георгия за храбрость. Если бы мы могли награждать героев-партизан, Федора надо бы наградить одним из первых. Благодаря его находчивости и отваге партизаны без всякого кровопролития разоружали прибывавшие в эшелонах белогвардейские части.

При приближении поезда Федор в форме поручика выходил на перрон в сопровождении восьми партизан-

железнодорожников, одетых в солдатские шинели. Двое из них вскакивали на паровоз, третий спрыгивал на рельсы и отцеплял состав. Паровоз немедленно отгоняли на запасный путь, а тем временем Федор с пятеркой партизан торопливо проходил вдоль состава и передавал распоряжение коменданта города: солдатам не выходить из теплушек и вагонов, а господам офицерам пройти за указаниями о расквартировании их частей к помощнику коменданта в помещение вокзала. Здесь офицеров поджидал Потемкин с партизанами. Офицеров разоружали и спешно уводили. А в это время другие партизаны, окружив вагоны, разоружали солдат.

Так удалось разоружить два эшелона. Третий подошел, когда было уже светло. И здесь случилась беда: офицеры заподозрили неладное, может быть, форма Федора привлекла их внимание — на нем была шинель с погонами пехотинца и головной убор артиллериста. Когда он предложил офицерам пройти на вокзал, кто-то из них заорал:

— Господа, измена! — и выстрелил.

Федор охнул и повалился. Партизаны Потемкина окружили вагоны. Завязалась перестрелка. На мушку брали в первую очередь офицеров. Колчаковские солдаты, оставшись без командиров, начали бросать винтовки и сдаваться.

Еще один эшелон, подошедший во время перестрелки, остановился за семафором и дал задний ход.

Такую же ловушку устроили колчаковцам, прибывавшим с обозами по трактам и проселочным дорогам. Весь день их пропускали к городу, а там переодетые партизаны встречали их и, выдавая себя за квартирьеров, отводили в намеченные пункты и там разоружали. Пленными до отказа забили свободные дома, амбары, магазины, сарай. Все трактовые пути, по которым входили в город белые, тщательно охранялись партизанами, чтобы не дать возможности колчаковцам вырваться из города и сообщить командованию, что в городе партизаны. А белые шли и шли...

Заняв Щегловск, объединенные силы партизанской армии и роговцев отрезали путь отступления белых в Марининскую тайгу и дальше на восток. Было уничтожено много колчаковцев, захвачены богатые трофеи.

...Ворвавшись в город, роговцы начали «чистку» города от буржуазии и колчаковской администрации. Заняв центр, они разрушили и разграбили магазины и несколько богатых домов, сожгли церковь, разгромили здания земства, милиции, воинского начальника и других учреждений. Перебили много людей, пострадали женщины, дети и старики. Роговцы убили нашего связиста Ситникова, разведчиков Фросю и отца Ивана.

Мы потребовали прекратить бандитизм. На наши протесты Рогов и Новоселов ответили угрозой. Назревал серьезный конфликт. В штаб бригады роговцы прислали кого-то из членов своего штаба с группой человек в десять. Он явился в бархатном лиловом подряснике и поповской рясе, крупный, широкоплечий, с черной взлохмаченной бородой и дикими пьяными глазами. Гарцуя у крыльца на лошади, покрытой парчовой церковной скатертью, он что-то орал. Начали сбегаться партизаны. Перцева и Яковлева не было, вышла я.

— В чем дело?

— Рогов и Новоселов требуют от вас — тебя, Перцева и Яковлева, чтобы не вмешивались в наши дела, иначе у нас с вами будет особый разговор.

— Передай Рогову и Новоселову, что мы не потерим безобразий, которые вы творите в городе!

— Молчи! — рыкнул роговец, нехорошо выругался и дернул поводья. Конь вздыбился, повернул и под ударами нагайки понесся прочь. За ним вся ватага.

Отступаем с боем

22 декабря. Сегодня среди ночи, когда я вернулась с собрания подпольщиков Щегловска, где обсуждался вопрос о создавшемся в городе положении, дежурный по штабу сообщил, что приехал начальник штаба партизанской армии Кузнецов, он направился в штаб роговцев. Туда же вызвали Перцева и Яковлева. Было ли мне приглашение, дежурный не знает. Тревога закралась в сердце. Приезд Кузнецова — друга Новоселова теперь совсем не к стати. Как бы он не переметнулся на сторону роговцев. Ведь он с первых дней работы в штабе армии тяготился строгой дисциплиной. Рогов уже два раза предлагал объединить бригаду с его отрядом. А что, если Яковлев

и Перцев не устоят перед угрозами Рогова и Новоселова и дадут согласие на объединение? Я приказала Василию немедленно седлать коней и взять еще человек десять. Рассовав по карманам гранаты, проверив револьвер, вышла на улицу. Василий с партизанами уже стояли у ворот. Не успели мы сесть в седла, как послышался топот несущихся в нашу сторону лошадей.

Ночь темная, небо затянули облака, по улице метет поземка. Ждем затаив дыхание. Вот всадники уже совсем рядом. По голосу узнали Яковлева. Виктор соскочил с лошади и взволнованно, скороговоркой проговорил:

— Кузнецов дал согласие на объединение бригады с роговским отрядом. Обещали ввести его в штаб и назначить командиром бригады. Рогов и Новоселов решили, если понадобится, силой подчинить себе наши полки, а тебя, Тоня... — Виктор замялся и тихо добавил: — смарать.

— А ты и Перцев?

— Были против, но нас не стали слушать, а когда я поскакал сюда, в меня стреляли. Хорошо, что связной с лошадьми был на месте. Тебе надо скрыться! Сейчас здесь будут роговцы... Беги, беги! — подталкивая меня к коню, с тревогой говорил Яковлев.

— Бежать? Оставить партизан во власти бандитов? Нет, этого не будет. Поднимай бойцов, Виктор, по тревоге! Дадим отпор! — предложила я.

По распоряжению Яковлева к штабу быстро стали собираться наши партизаны. В сторону роговцев выставили заставы. Вдали опять послышался топот многих копыт. Сомнений не было — сюда скакали роговцы.

В это время со стороны железной дороги раздались орудийные выстрелы. Со свистом полетели снаряды, они рвались где-то позади.

Прискакал Перцев.

— Ну что? — бросился к нему Виктор.

— Стреляют белые. Подошли их новые части с артиллерией, роговцам теперь не до нас, удирают. Нам тоже нужно уходить, чтобы не оказаться в окружении золотопогонников.

Гул орудий усиливался. Снаряды ложились все ближе и ближе. На улице выстроились в несколько рядов сани с пехотой и эскадроны Яковлева. В соседнем переулке появилась конная разведка противника. Партизаны открыли огонь, и она повернула обратно. За разведкой

появилась конница белых. Первый эскадрон во главе с Гурьяновым отделился от колонны и понесся ей навстречу. Рубка была недолгой. Колчаковцы не выдержали натиска наших кавалеристов и поспешно повернули коней обратно. Эскадрон догнал нас еще в городе.

На окраине у Искитимки белые встретили нас пулеметным огнем, ранили троих партизан. Скоро мы вырвались на простор и поскакали по накатанной дороге в сторону села Щербаки. На фоне белого снега растянулась длинная лента саней с партизанами 2-го полка. Отход прикрывал конный полк Яковлева. Вдруг впереди раздались залпы, отдельные выстрелы, застрекотали пулеметы.

— Натолкнулись на белых, они идут с Ягуновского тракта, — сказал Виктор и, приподнявшись на стремянах, скомандовал: — Первый эскадрон, за мной!

Обгоняя подводы, конники вырвались вперед.

Стало уже совсем светло. Мне было видно, как замедляли бег лошади, как скатывались с саней партизаны пехотного полка и бежали с винтовками наперевес туда, где шел бой.

Вскоре один за другим смолкли пулеметы. Затихая, удалились к Ягунову винтовочные выстрелы. На санях подвезли раненых.

— Хотели перерезать нам дорогу, — говорил, морщась от боли, Перцев, пока ему перевязывали левую руку. — Яковлев увлекся. Как бы не попал в ловушку.

С небольшой группой конников я направилась в сторону Ягунова. На поле боя валялись трупы убитых солдат в зеленых английских шинелях. Возле перекрестка дорог, уткнувшись в снег, лежал офицер с погонами поручика, разрубленный чуть не до пояса. Рука его, откиннутая в сторону, казалась неестественно длинной.

— Это Гурьян его полоснул, — пояснил Потемкин. — Много этот зверюга убил и ранил наших из пулемета.

Недалеко от офицера у разбитого пулемета лежали трупы партизан в крестьянских азиях. Кавалеристы, придерживав коней, сняли шапки. Кто-то сказал:

— Все из 2-го полка.

Трофеи этого боя были небольшие по сравнению с теми, что мы захватили в Щегловске. Там каждый партизан и повстанец вооружился новой винтовкой, револьвером, гранатами, патроны брали без ограничения, многие перепоясались пулеметными лентами и с гордостью

хвастались: «Вооружен, как чех». Мы везли станковые и ручные пулеметы, орудия, снаряды, запасные винтовки, патроны, обмундирование, деньги, продовольствие, медикаменты. Захватили также много лошадей, саней, кошевок. Здесь, у Ягуновского тракта, нам досталось только тридцать две винтовки, до шестисот патронов, один пулемет и девять пулеметных лент, восемнадцать лошадей и семь саней. Погибли в этой стычке трое партизан, семнадцать ранены, под одним убита лошадь; падая, она сломала партизану руку.

Яковлев привез сведения, что с Ягуновского тракта на Щербаковский шла в обход города, чтобы ударить в тыл нашей бригаде, крупная воинская часть колчаковцев с пулеметами. Но мы вовремя дали им отпор. Потеряв офицера и до тридцати солдат, белые отступили.

В Щербаках

В течение нескольких дней на широком фронте протяжением около шестидесяти километров вдоль железной дороги Щегловск — Топки — Плотниково белые вели наступательные бои против партизан. Сюда колчаковское командование подтянуло крупные силы своих войск. Нашей бригаде пришлось отойти от Щегловска и отступить от железной дороги к Смолину и Шумихе.

Бригада расположилась в Щербаках, а в Смолине, Шумихе, Шевелях и Сарапках оставлены сильные заслоны, которые отбивают атаки белых, охраняют наши фланги и тылы. В полки влилось много новых повстанцев. Во 2-м и 4-м полках теперь не менее семи тысяч бойцов.

Многие из повстанцев, пришедшие в последние дни и не участвовавшие в боях за Щегловск, еще не имеют оружия. Эта невооруженная масса людей — «ороро», как мы в шутку ее называем, — затрудняет боевые действия полков и рот, ограничивает оперативность. Среди невооруженных людей создается благоприятная почва для панических настроений. Поэтому сегодня на совещании командиров и политработников полков приняли решение распустить по домам невооруженных повстанцев, в первую очередь старших возрастов и больных, объявить, что в партизанскую армию добровольцы будут приниматься только с оружием.

Скученность в селах и деревнях, занятых нашей бригадой, усилила эпидемию сыпного тифа. Это тоже одна из причин роспуска лишних людей.

Не успела я подготовить приказ по принятому решению, как в комнату влетел Василий:

— Приехал Павел Николаевич! Он там во дворе разговаривает с Перцевым и партизанами.

Показалось, что сердце выскочит из груди. Я остановилась у двери. В соседней комнате послышался голос Пана. Он расспрашивал о штурме Щегловска, о трофеях. Я перешагнула порог. Пан и Перцев сидели за столом, вокруг толпились партизаны. Вошел Яковлев. Пан поднялся, здороваясь с ним, и тут увидел меня. Лицо его вспыхнуло и озарилось радостной улыбкой. Он шагнул навстречу и, сжимая мою руку, спросил:

— Как дела, комиссар?

1-я Томская партизанская дивизия

Перцев и Яковлев вызвали в штаб всех командиров и политработников рот и эскадронов. Я открыла совещание. Пан сообщил о преобразовании Советской партизанской армии Мариинского, Щегловского и Кузнецкого уездов в 1-ю Томскую партизанскую дивизию по образцу регулярной Красной Армии. Такое решение принято на заседании штаба 20 декабря 1919 года в селе Кольчугине. В дивизию включены кроме четырех полков нашей армии все отряды и группы партизан и повстанцев, действующие в нашем районе, кроме отряда анархистов Рогова и Новоселова.

Весь наличный командный и политический состав дивизии, докладывал Пан, оставлен в тех же должностях, что и в партизанской армии. Оставлены также на своих постах и командиры всех четырех полков. Сейчас дивизия ведет бои с колчаковцами по всему фронту от Брюханова (Красное) на северо-запад и запад, а также вдоль железнодорожной ветки Кольчугино — Плотниково — Щегловск. Командиром дивизии утвержден Шевелев, начальником штаба — Кузнецов, командирами полков: 1-го — Старовойтов, 2-го — Перцев, 3-го — Стародубов, 4-го (конного) — Яковлев; командиром особого конного полка

(нового) — Сизиков, полка кольчугинских шахтеров (также нового) — Колов.

Оформлен фактически существующий при штабе политический отдел в составе четырех комиссаров дивизии: Федорца, Шувалова, Геласимовой и Цибульского. Руководство политическим отделом осталось за Федорцом, Геласимова одновременно и политический комиссар бригады (2-го и 4-го полков), Шувалов — председатель военно-революционного трибунала дивизии, Цибульский — ведущий агитационным отделом.

Пан рассказал также о безобразиях анархистов. Когда штаб Советской партизанской армии 19 декабря прибыл в Кольчугино, оттуда только что ушел отряд Рогова и Новоселова. В селе и на руднике роговцы учинили настоящий разбой: за два дня своего пребывания там они без суда перебили торговцев, милиционеров, служащих рудника, убили много других ни в чем не повинных людей. На площади и на улицах валялись трупы, роговцы не разрешали их убирать.

Заняв село, анархисты первым делом подожгли церковь, она пылала весь день. Попа остригли, раздели и на улице всенародно казнили. Церковную утварь и ценности разграбили. Ризами покрыли лошадей, сами нарядились в духовные облачения и, горлая песни, разъезжали по селу и руднику.

Они врывались к служащим, крестьянам, рабочим, забирали у них шубы, валенки, часы, одежду, одеяла, подушки и другие вещи, складывали в свои сумы и мешки и увозили. Протестовавших убивали. Все, что не могли забрать, бандиты уничтожали. В доме, где остановился наш штаб, роговцы оставили после себя поломанные столы и стулья, выбитые окна, вывернутые двери, разбитые зеркала, разорванные картины и книги.

Местные товарищи рассказывали, что Рогов и Новоселов на митинге советовали рабочим идти в села и деревни, брать у крестьян хлеб и другие продукты, все, что им нужно, дескать, это их право, они хозяева. А когда им резонно говорили, что за хлеб нужно платить, они смеялись. По поводу восстановления шахт и добычи угля Рогов и Новоселов говорили:

— Мы против начальства, против инженеров, против всяких контор и бумаг. Каждый шахтер — сам инженер своего дела.

Группа командиров и комиссаров Советской партизанской армии Щегловского, Мариинского и Кузнецкого уездов и 1-й Толской партизанской дивизии (1919 год). Слева направо: А. Н. Геласимова, А. Н. Геласимов-Юрченко, Г. Д. Шувалов-Иванов, Мустаев, В. П. Щеглов-Лубков, М. Р. Камбалова, П. Ф. Федорцов-Бондаренко

Такой же разгром и грабеж, бессмысленные убийства анархисты-роговцы учинили ранее в городе Кузнецке и в селах Кузнецкого и Щегловского уездов, через которые проходила их банда.

Решение переименовать армию в дивизию встретило общее одобрение.

— А Корнея Кузнецова необходимо снять с должности начальника штаба дивизии. Человек он неустойчивый и не может оставаться на таком посту. Его поведение в Щегловске, согласие на включение нашей бригады в состав отряда анархистов-роговцев просто позорно, — возмущался Голкин. — Есть немало достойных товарищей, кто может заменить Кузнецова.

Голкина единодушно поддержали все командиры и

политработники. Решили, что Кузнецова надо снять с поста начальника штаба дивизии. Пан обещал поддержать это требование. Наше решение о роспуске по домам лишних людей он одобрил, такое же решение уже принято и штабом дивизии.

Затем обсудили вопрос о диспозиции бригады и ее боевых действиях в ближайшее время. Решили, что бригада должна держать по-прежнему заслон на линии Щегловск — Щербаки — Смолино — Шумиха — Шевели — Сарапки. Это свыше пятидесяти верст. Определены задачи полков: командиру 2-го полка Перцеву выделить команды лыжников из боевых партизан и послать их в тайгу в район Дмитриевской волости, Красного Яра, Златогорки, отправить делегацию в партизанский отряд Петра Лубкова и другие отряды на северо-востоке Мариинского уезда с предложением перекрыть тракт со стороны города Мариинска. Задача 4-го конного полка — вести бой по линии железнодорожной ветки, по трактовым путям и проселочным дорогам.

Решили также в ближайшие дни вновь штурмовать Щегловск.

В Щербаках провели многолюдный митинг партизан, повстанцев и местных жителей. Пан сделал доклад о политической обстановке, победах Красной Армии, о переформировании Советской партизанской армии в 1-ю Томскую партизанскую дивизию и о ее боевых действиях. Здесь же на митинге объявили решение штаба дивизии о роспуске по домам партизан и повстанцев старших возрастов, больных и безоружных.

После митинга мы с Паном в сопровождении небольшой охраны выехали в Кольчугино. Вызывал Шевелев. Все села и деревни по пути заполнены партизанами и вновь прибывшими отрядами и группами добровольцев-крестьян. Мы останавливались в селе Смолине, деревнях Кобылине, Шумихе, провели короткие митинги, совещания с командирами и политработниками, проинструктировали ревкомы, дали распоряжение об отправке невооруженных людей по домам.

В Шевелях разведка сообщила, что со стороны железной дороги к реке Томи движется большая воинская часть колчаковцев с артиллерией и пулеметами. Эскадрон Чумайкина, подкрепленный взводом из роты Прокопьева,

двинулся навстречу. Бой произошел недалеко от деревни Сыромолотной. Не выдержав натиска партизанской конницы, белые отступили к железной дороге, потеряв много убитыми и ранеными, оставив утонувшие в снегу два орудия.

В деревне Сарапки стоит рота Лазарева; мы встретились с командиром и с председателем местного ревкома, рассказали о последних событиях, передали приказ штаба бригады не пропускать белых на Крапивино и распустить безоружных повстанцев. Было уже поздно, митинга не собирали. Екатерина Дмитриевна Шувалова накормила и напоила нас горячим чаем, а когда мы селились в кошеву, чтобы ехать дальше, вынесла подушку и одеяло. Я отка- зывалась.

— Не нужно. Потеряю где-нибудь.

— А я ведь не прошу, чтоб вернула. Морозище-то какой! Простудишься, заболеешь. — Екатерина Дмитриевна сама положила мне подушку под спину, закутала ноги одеялом и по-матерински расцеловала меня.

— Увидишь Григория, кланяйся. Скажи — все здорово. Прасковья перебралась с ребятишками в большой дом, хозяин убежал, испугался партизан.

В Сарапках Пан получил письмо из Кольчугина, Шевелев торопит, просит не задерживаться: накопилось много срочных и важных дел. Значит, захватить в Березовку нам не удастся.

Едем в кошеве Пана, мой верховой конь привязан сзади. Морозно. Лошади и люди покрылись инеем, трудно дышать. Хорошо, что не приходится ехать верхом. Хотя на мне под широкой суконной юбкой стеганые брюки, но в седле все же невыносимо мерзнут колени. В кошеве на сене, в волчьей дохе поверх полушубка, с закутанными в одеяло ногами и с подушкой за спиной я почти не чувствую мороза. Мы говорим с Паном и не можем наговориться. За небольшой срок произошло столько событий!

По призыву партии большевиков тысячи рабочих и крестьян взялись за оружие. Задача, поставленная партией, — объединить действия партизанских отрядов и поднять восстание против Колчака — выполнена. Теперь из партизанской армии создана боевая Томская партизанская дивизия. Она мешает колчаковцам собраться с силами и

закрепиться здесь, на Томи, задерживает их продвижение на восток.

— А знаешь, Пан, если бы тогда, в первые дни восстания, мы не устояли против паникеров и если бы нам не удалось убедить партизан идти навстречу врагу, а не бежать в тайгу, то восстание было бы разгромлено. Страшно подумать об этом!

Как много значит крепкая большевистская спайка и революционный подъем народа! Начали с организации подпольного штаба Советской партизанской армии, тогда не имевшего еще в своем распоряжении вооруженных сил, кроме отряда Шувалова и боевых групп подпольных сельских ячеек, а теперь в нашей дивизии много тысяч вооруженных бойцов.

Вдруг Пан воскликнул:

— А ты посмотри, Тонек, какое прекрасное небо — миллиарды звезд! А какая луна! Знаешь, о чем я подумал? Может быть, и там на планетах идет гражданская война, а на некоторых, возможно, уже установлен коммунизм. Пройдут годы, и мы научимся строить межпланетные корабли и полетим к луне, к звездам, на другие планеты, чтобы попить чайку с друзьями, посоветоваться. А может быть, наша дочь выйдет замуж за жителя Марса, будем нянчить внучат-марсиан.

— А еще что скажешь? — рассмеялась я. — Может быть, скажешь, что мы с тобой переберемся на Сатурн и где-нибудь в тылу у местных белогвардейцев начнем работу в подполье по собиранию революционных сил? Опыт у нас теперь есть.

— Все может быть! Кончим воевать, поедem в Москву, послушаем Ленина, он знает все. Поучимся... — Пан вдруг замолчал. Я потрясла его за рукав шубы.

— Посплю немного, не обижайся!

С начала восстания спим мы мало, урывками. Все время находимся в состоянии необыкновенного душевного подъема, нервы напряжены до предела, и сон приходит неожиданно и ненадолго. А теперь, когда тишину нарушают только цоканье копыт, монотонный скрип саней и покрякивание возницы, потянуло ко сну. Не помню, как заснула и я, прислонившись к плечу Пана.

В штабе дивизии

23 декабря. Проснулась, когда въехали в Кольчугино. Светало, на востоке разгоралась заря.

— Ты обморозила нос, скорее три его варежкой, — сказал с беспокойством Пан. Ямщик оглянулся и подтвердил устало:

— Щеки тоже белые.

С крылечка дома, занятого штабом дивизии, сбежала Маруся Камбалова, обрадованно обняла меня и принялась оттирать нос и щеки. Нос спасли, а на щеках и на подбородке остались черные пятна. Это со сна. Если бы не заснула, все было бы в порядке.

Маруся принесла прямо в штаб завтрак. Пан, позавтракав, сразу занялся делами. Вскоре пришел Шевелев. Он посмеялся надо мной, спросил, так ли обмораживалась под Щегловском. А потом, спрятав улыбку, сказал:

— Что же это ты, Тоня, распустила своих друзей роговцев?

— С каких это пор они стали моими друзьями? — обиженно проговорила я.

— Об этом тебя надо спросить. Ведь ты с ними чай распивала в Щербаках, — добродушно усмехаясь, ответил Шевелев.

Теперь только я поняла, что Василий Павлович шутит, хотя было и не до шуток. Банда роговцев, отступив из Щегловска на север, обошла город с запада и опять очутилась на нашей территории. Роговцы безобразничают, разгоняют ревкомы, грабят, убивают бывших «крестовиков» и пленных колчаковских солдат, сложивших оружие и отпущенных нами. От их рук погибли многие члены ревкомов и повстанцы, протестовавшие против бесчинств.

— Вчера их отряд остановился в селе Барыши, по соседству с Кольчугиным, — сказал озабоченно Шевелев. — Надо что-то предпринять. Подумайте, комиссары! Особенно тебя это касается, Тоня, ведь они тебя чуть не прикончили.

— Да, было такое дело, Василий Павлович! И помогал им в этом Корней Кузнецов. Бригада требует убрать его с поста начальника штаба.

— Я уже говорил с ним. Корней кается, просит прощения. Человек он заслуженный, старый партизан, и я думаю, что его не стоит судить сурово. На первых порах

пошлем в 3-й полк командиром, а Шумова назначим начальником штаба. Не возражаешь, Павел Николаевич?

— Как же ему доверить полк, он и полк разложит!

— Я уже отдал приказ, — резко бросил Шевелев.

— Не согласовав со мной? — Пан начинал сердиться, могла возникнуть ссора.

— Тебя не было в штабе, а Цибульский согласился, — оправдывался Шевелев. — В 3-м полку народ крепкий, они возьмут его в руки.

— А все-таки я поставлю вопрос о Кузнецове на заседании штаба. Есть требование командиров бригады снять его с командных постов.

— Ставь! А пока разработайте предложение, что делать с роговцами.

— По-моему, вопрос ясен — их надо разоружить, и немедленно, до прихода Красной Армии, чтобы не позорили партизанскую честь, — предложил Пан.

— Легко сказать — разоружить тысячу человек, вооруженных до зубов. — Шевелев поднялся и заходил по комнате. Он так делал всегда, когда волновался или был чем-то особенно озабочен.

— Думаю, нетрудно это сделать, — вмешалась я. — В отряде много преданных Советской власти людей, они не одобряют безобразий своих командиров и их подпевал, тяготятся создавшейся обстановкой. Если удастся захватить и изолировать Рогова, Новоселова и их штаб, партизаны не будут сопротивляться.

— Тогда сегодня же свои предложения доложите на заседании штаба. Тянуть нечего.

Вошел Стародубов. Он внешне стал совсем военным: в длинной шинели, перепоясан широким ремнем, на котором висит в кобуре маузер, ремень через плечо, барашковая папаха. За ним появились Цибульский и Буинцев. Коля, как и Стародубов, в шинели и тоже с ремнем через плечо, на поясе у него кроме револьвера две бутылочные гранаты. Цибульский все тот же, с медлительной, вялой речью, в помятом штатском костюме. О нем говорят, что в 1918 году он был совсем иным — энергичным, подтянутым. Тюрьма, «эшелон смерти», пытки, смертный приговор — все это разрушило его нервную систему. Его с группой большевиков колчаковцы везли к атаману Семенову на расправу. Узники выломали стенку теплушки и выскочили на ходу поезда. Многие при этом погибли или

изувечились. Цибульский остался жив, вернулся в Кузбасс и ушел партизанить.

Пришел Шувалов. Мы встретились с Григорием Дмитриевичем радостно, отошли в сторонку и присели. Я рассказала о боевых действиях бригады, о бесчинствах роговцев. Он — о работе военно-революционного трибунала, о настроениях партизан, повстанцев, населения.

— Я только что из Борисова. Военно-революционный трибунал пока еще находится там. Работы уйма. Судим, боремся за дисциплину и государственный порядок. Приходится судить бывших карателей, предателей и мародеров, пьяниц и самогонщиков. Проводим открытые заседания трибунала с общественным обвинителем. Всегда полно народу. Михаил Кавешников заменяет меня, когда я в отъезде.

Действительно, о трибунале идет добрая слава. Хорошо, что мы его сразу же создали. Трибунал играет огромную роль в борьбе за дисциплину и за распространение большевистского влияния как среди партизан, так и среди населения.

Встреча с алтайцами

Вскоре появился нарочный от гурьевского ревкома. Он сообщил, что из Гурьевска в сторону Кольчугина вышли два полка алтайских партизан. Шевелев отдал распоряжение немедленно вывести навстречу дорогим гостям все наличные силы наших партизан, находящихся в Кольчугине.

Через полчаса на широкой равнине, расстилающейся на юго-запад от Кольчугина, выстроилось до тысячи бойцов. Утро было ясное, солнечное, прихватывал крепкий мороз. Бойцы нет-нет да и схватывались за носы, оттирали себе щеки.

В штабе дивизии остались только дежурные. Шевелев, Федорец, Шувалов, Цибульский, Шумов, Буинцев, я и другие командиры и политработники стояли группой впереди строя. Вскоре на тракте показались первые всадники, за ними вереницы саней и конных партизан. Во главе колонны развевалось красное знамя.

Наконец алтайцы подъехали, на их шапках и папахах пучки разноцветных лент и красная лента наискось. Одеты

все по-разному: в полушубках, в ватниках и шинелях, на ногах валенки или унты. У всех винтовки. В большой кошеве, устланной коврами, командир полка в светло-серой генеральской шинели с красными отворотами, через плечо широкая красная лента. Подъехав к нам, он ловко выскочил из кошевы, приложил руку к белой папахе с красной лентой и представился:

— Прибыл 7-й полк алтайских партизан «Красные орлы». Командир полка Неборак.

— Встречает вас 1-я Томская партизанская дивизия. Командир дивизии Шевелев-Лубков.

Неборак и Шевелев обнялись и расцеловались. Шевелев представил гостю своих командиров и политических работников. Подошли командиры рот и эскадронов бывшего полка, начались рукопожатия, расспросы, шутки. Нашлись знакомые и друзья.

Алтайские партизаны выехали на равнину и выстроились против наших колонн.

Следом подошел Славгородский полк алтайских партизан. Одеты они так же, как и «Красные орлы», только на шапках нет пучка разноцветных лент. С ними начальник штаба Алтайской дивизии Игнатов. Лицо у него опалено порохом, как у нашего Шевелева. Вновь взаимные приветствия. Состоялся митинг. С приветствием от нашей дивизии выступили Шевелев и Пан, от алтайских партизан — Игнатов и Неборак. Затем наши квартирьеры увели гостей на отдых. Командиров мы пригласили в штаб, вместе пообедали. Бойцам выдали мясо, хлеб, масло, пшено. Наша дивизия уже имеет богатые обозы и склады продовольствия, отбитые у противника.

Заседание штаба дивизии в присутствии командиров алтайских партизан состоялось сразу же после обеда. Обсудили план боевых действий на ближайшие дни. Игнатов зачитал приказ начальника 26-й дивизии Красной Армии Гайлита от 14 декабря 1919 года на имя главнокомандующего партизанской армии Западной Сибири Мамонтова и директиву Мамонтова о преследовании колчаковцев силами трех полков — Славгородского, Бутырского и «Красных орлов».

Перед этими полками поставлена задача пройти через Кузбасс, Мариинскую тайгу и перерезать железную дорогу между городом Мариинском и станцией Тайга, чтобы дезорганизовать тыл противника, взорвать железнодорож-

ное полотно, мосты и не дать ему эвакуироваться на восток.

Мы информировали алтайцев о положении в Кузбассе, боевых действиях нашей дивизии и о поставленной нам задаче — закрыть колчаковцам дорогу на восток через реку Томь в Мариинскую тайгу.

Договорились действовать в дальнейшем совместно.

Разоружение анархистов

23 декабря. Вечер. На том же заседании утвердили разработанный нами план разоружения отряда Рогова и Новоселова. Командиры алтайских партизан согласились участвовать в разоружении. Неборак рассказал, что и в Барнаульском уезде Рогов и Новоселов натворили много бед. Большевики Вострецов, Новиков и другие вынуждены были уйти из анархистского отряда и увели с собой лучших партизан.

План разоружения роговцев был принят единогласно, руководство операцией поручили Пану, мне и Небораку.

Было еще светло, когда мы в сопровождении двадцати партизан выехали в деревню Семушкино (Семеново). Туда же направился полк «Красных орлов». Из Семушкина мы послали письмо Рогову за подписью всех троих, пригласили Рогова и Новоселова со штабом на совместное совещание с представителями 1-й Томской партизанской дивизии и алтайских партизан.

Рогов и Новоселов приехали поздно вечером в сопровождении пятнадцати членов своего штаба. Не было Ломова и парня в браслетах. Мы информировали их о последних боях с белыми, приходе в наш район частей Красной Армии, о приказе, полученном алтайскими партизанами от начальника 26-й дивизии Красной Армии, о том, что партизаны выполнили свою роль и поэтому командование Красной Армии приказало некоторым партизанским частям и отрядам сдать оружие и разъехаться по домам. Неборак добавил, что на Алтае многие партизаны уже вернулись к мирному труду. Совещание длилось почти всю ночь. Говорили много и шумно, роговцы не раз хватались за оружие. Только к утру договорились, что роговцы сдадут винтовки, пулеметы и пушки, а револьверы и

пашки останутся при них для самозащиты по пути следования домой, оставляют им и лошадей. На это требование пришлось согласиться, чтобы избежать вооруженного столкновения.

Рогов и его штаб тут же в помещении, где проходило совещание, сдали оружие. Их оставили в Семушкине под охраной наших и алтайских партизан до тех пор, пока весь отряд после разоружения не уйдет из Барышей и Панфилова. Новоселов написал письмо, в котором отряду предлагалось сдать оружие 1-й Томской партизанской дивизии. Письмо подписали все семнадцать членов роговского штаба.

Когда совещание закончилось, Новоселов подошел ко мне и проговорил с ехидством:

— Комиссародержавие восторжествовало!

— А вы еще не бросили мысль, что может победить анархизм, — ответила я ему резко.

— Жизнь покажет, кто из нас прав, — заговорил вновь Новоселов.

— Надеюсь, что да, а сейчас поставим точку.

Хотелось мне еще многое высказать этому подлому человеку: о его демагогии, о том, как он разжигал в людях грубые, низменные страсти. Но надо было поторопиться с выездом в Барыши и Панфилово.

24 декабря. Оставив Рогова, Новоселова и их штаб в Семушкине под арестом, наша тройка в сопровождении охраны выехала в Барыши. Было раннее хмурое утро, шел небольшой снег. До тысячи роговцев собрались по нашему требованию на сельской площади. Мы провели митинг, рассказали о текущем моменте, положении в Советской России, успехах Красной Армии и сибирских партизан, о разгроме колчаковщины. Зачитали письмо их командиров о сдаче оружия. Роговцы слушали нас, расположившись походными колоннами, в седлах. Все на хороших лошадях, вооружены винтовками, револьверами, гранатами, саблями, ножами. К седлам приторочены большие и малые сумы и мешки.

Среди роговцев много честных рабочих и крестьян, преданных делу революции. Они случайно оказались с анархистами, мы были уверены в их поддержке, поэтому выступали смело. О Рогове, Новоселове и других анархистах говорили так, как они заслуживали. Как мы и ожидали, роговцы без главарей оказались стоворчивыми, про-

голосовали единодушно: сдать оружие и разойтись по домам.

Как выяснилось, ближайшие подручные Рогова и Новоселова — анархисты и уголовники сбежали с награбленным имуществом тотчас, когда узнали, что весь их штаб вызван в Семушкино. Остальные сразу после митинга начали сдавать оружие. Они подъезжали к нам, снимали винтовки, патронташи, пулеметные ленты и складывали их прямо на снег или в розвальни. Скоро вся сельская площадь была завалена оружием. Роговцы разъезжались группами и в одиночку в разные стороны по родным селам и деревням.

В Панфилове без труда разоружили остальных роговцев. Не дождавшись, когда все они сдадут оружие, я в сопровождении своих партизан уехала в село Щербаки, где находился штаб нашей бригады. Рогов, Новоселов и их ближайшие помощники были освобождены из-под ареста и уехали в направлении Кузнецка*.

Вновь в Щегловске

24 декабря. Днем. В Щербаках еще шумно и суетно, хотя основная часть бригады уже ушла к Щегловску. Две наши роты — Прокопьева и Лазарева и эскадрон Чумайкина продолжают защищать подступы к Шевелям, Кобылину, Шумихе и Смолину.

Колчаковцы то и дело пытаются прорваться от железной дороги через наш участок фронта за Томь и дальше на восток, сообщил Голкин. Но каждый раз партизаны и повстанцы отбивают их, и они возвращаются обратно к железной дороге.

Готовится к выходу в тайгу с заданием перерезать Осиновский тракт еще одна группа партизан-лыжников 2-го пехотного полка.

Из Щербаков я отправилась догонять бригаду. Южная и юго-западная сторона города Щегловска уже занята

* В 1920 году Рогов и Новоселов организовали мятеж против Советской власти. Вместе с недобитыми колчаковцами они убивали коммунистов и советских работников, грабили крестьян, срывали заготовки хлеба по продразверстке. Когда их банда была настигнута и разбита частями особого назначения Красной Армии, Рогов застрелился, а Новоселов скрылся.

нашими полками. С северо-запада, от станции Юрга, под напором Красной Армии движутся значительные силы белых, часть города утром 24 декабря еще была в их руках. В той стороне слышны гул канонады, пулеметная и ружейная стрельба. Конники Яковлева ведут бои с отступающими за Томь колчаковцами, 2-й полк встречает подходящих с запада по Ягуновскому и Топкинскому трактам колчаковцев и разоружает их.

Наконец-то! Сегодня с севера в Щегловск с боями вошел 311-й полк 35-й дивизии Красной Армии. Он перерезал к востоку от города Мариинский тракт, захватил большие обозы с военным имуществом. Произошла радостная встреча. Партизаны и население города восторженно приветствовали бойцов и командиров Красной Армии.

Маленький городишко, похожий на большое село, местами сильно разрушен, во многих домах недостает стекол и даже рам, от некоторых домов торчат лишь печные трубы. Повсюду трупы колчаковских солдат и офицеров.

В 1918 году Щегловск напомнил мне дальневосточный городок Иман, героический Иман, центр Уссурийского фронта против белых. Тогда я думала — сумеют ли сибиряки так же прославить Щегловск, как дальневосточники Иман? Сумели и прославили!

...Вечером Перцева и меня вызвали в штаб 311-го полка. Военный комиссар полка Хамармер предложил нам всех партизан, находившихся в Щегловске, направить в Мариинскую тайгу на помощь Красной Армии, бить противника с флангов.

Разгром 3-й колчаковской армии

26 декабря. Декабрь в этом году очень холодный, бушуют снежные метели, морозы доходят до сорока градусов. В тайге глубокий снег. Вместе с частями Красной Армии 2-й и 4-й полки нашей бригады громят и разоружают колчаковцев. Остатки 3-й армии белых в Мариинской тайге упорно сопротивляются. Партизаны завалили вековыми деревьями тракты и проселочные дороги, на лыжах по глубокому снегу обходят белых с флангов и неожиданно нападают на них, когда они пы-

таются обойти завалы. Красноармейские части прижимают противника к завалам и вынуждают сдаваться. Пленных очень много.

В районе села Латыши, деревень Кедровки и Промышленки белые соорудили окопы и блиндажи, но были разгромлены частями Красной Армии после ожесточенных боев.

Значительная группа белых прорвалась через наши заслоны, обошла с юга Щегловск и устремилась через Томь на Осиновский тракт, чтобы затем выйти на Мариинский тракт. Командование Красной Армии направило из деревни Латыши 311-й полк, который перехватил эту группу на берегах реки Промышленки и разбил ее наголову.

Особенно ожесточенные бои происходили около села Дмитриевки. Остатки нескольких дивизий 3-й армии белых возвели там укрепления и после пятичасового боя вынудили части Красной Армии отойти к поселку Сергиевскому. Сегодня после вторичной атаки 307-й и 308-й полки Красной Армии взяли Дмитриевку. Захвачено много пленных и трофеев. Наступление Красной Армии в сторону Мариинска продолжается.

27 декабря. Штаб нашей дивизии получил приказ начальника 35-й дивизии Красной Армии Неймана № 438 от 26 декабря 1919 года. Многие пункты приказа имеют непосредственное отношение к нам.

I. Противник пытается задерживать наше стремительное наступление, чтобы спасти свои обозы и артиллерию, но, сбиваемый нашими частями, отступает к Мариинску, оставляя колоссальные трофеи.

II. Части 35-й дивизии боковым отрядом (г. Болонкина) заняли г. Кузнецк, остальные части дивизии ведут успешные бои в районе Дмитриевской. 1-я повстанческая дивизия вышла в район Панино, партизанский отряд (быв. Рогова) — в район Панфилова, 1-я Чумышская дивизия — в район г. Кузнецка и 1-я Томская дивизия — в район Смоленна.

III. Приказом реввоенсовета V армии партизанские отряды, находящиеся на участке 35-й дивизии, с 25 декабря подчиняю себе.

*IV. Приказываю:
...1-й Томской партизанской дивизии сосредоточиться 27 декабря в районе Тандина (Ягунова).
...Штабам дивизий и отрядов... 27 декабря прибыть в г. Щегловск...*